

П.С. Кабытов, А.А. Мякотин*

**ПАРТИЙНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭЛИТА
КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-1991 гг.**

многих публикациях, особенно не «академических», термин «элита» используется как условное обозначение (метафора или концепт), не имеющий точного соответствия в реальности. Однако деление социума на элиту и «не-элиту» («массу» и т.д.) имеет объективный характер, обусловленный неоднородностью социального пространства, иерархичностью социальных позиций, функций, статусов и соответствующих им ресурсов. Исторический опыт показывает, что неизменным предшественником социальных катастроф, упадка и гибели обществ является снижение социальной ответственности, этической и волевой планки активного меньшинства (элиты). Поэтому одна из главных задач «социального проектирования» состоит в создании общественных институтов, обеспечивающих рекрутирование, контроль и обновление элиты политико-административной и других категорий управленцев.

В развитом социуме процесс элитообразования должен быть управляемым; это возможно только путем познания закономерностей (тенденций) возникновения и функционирования элиты. Фундаментальная социальная закономерность состоит в том, что тип элиты определяется природой конкретного социума, преобладающими в нем отношениями. Советский Союз представлял собой властечцентричную систему, основу которой составляли отношения власти и подчинения. Его «несущей конструкцией» являлась система партийно-государственной власти и управления. Поэтому принадлежность к элите, одному из ее сегментов («кластеров», страт) определялась статусом в аппарате партийно-советской власти. Материальное обслуживание, распоряжение информационными, организационно-производственными ресурсами было опосредовано местом (позицией) в системе властных отношений. Специфика правящего слоя в советском обществе заключалась в отсутствии у него (юридически, т.е. формально) собственности на производительные силы. Распоряжение производственными ресурсами и присвоение дополнительного (прибавочного) продукта носили коллективный (корпоративный) характер. Это не было реализацией марксистско-

* © Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Самарского государственного университета, 2013.

Мякотин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского государственного университета, 2013.

* * Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р)

го социального проекта; уместно привести точку зрения историка А.И. Фурсова о том, что ведущей тенденцией социальной эволюции России на протяжении пятисот лет было последовательное «очищение власти от собственности»¹.

Заметим, что элита представляет собой не только «высокостатусную» общественную группу, но и институциональный механизм, обеспечивающий её социальную селекцию, воспроизводство и функционирование. В советском обществе институциональной основой формирования и деятельности управленческой элиты являлась Коммунистическая партия. Термин партия (лат. *pars* – часть), связанный с обстоятельствами возникновения этой организации, по сути является неточным, поскольку определяющей характеристикой ВКП(б)-КПСС являлась как раз целостность, всеохватность функций и деятельности (поэтому она стала удобным инструментом тоталитаризма). Она была центральным, стержневым элементом системы политико-административного управления, его внутренним контуром. Управленческая деятельность партийных комитетов была направлена не только на социально-хозяйственные объекты, но и – прежде всего – на другие структуры власти (советские, ведомственные и др.). Партия представляла собой надстройку над системой власти; была, по терминологии А.А. Зиновьева, «сверхвластью»². Разветвленность, громоздкость властной системы предполагала наличие центра, придающего ей единство и скоординированность. Эту функцию выполнял партийный аппарат, используя идеологическое воздействие, партийную дисциплину и, прежде всего, номенклатурную систему. Партноменклатура представляла собой, таким образом, форму контроля со стороны «ядра» власти над ее периферией. Понятие «номенклатура», в контексте анализа систем управления, используется в нескольких значениях; во-первых, это набор должностей, замещение которых осуществлялось с согласия партийного комитета; во-вторых, категория руководящих работников (и ее представители), назначавшихся на должность соответствующим парткомом и, наконец, организационная форма партийно-кадрового управления.

В советский период, несмотря на многочисленность работ о «партийных кадрах», специальных исследований региональной партноменклатуры (как социальной группы и/или технологии власти) опубликовано не было. Отчасти это объясняется тем, что функционирование номенклатурной власти было актуальной реальностью, а не предметом ретроспективного анализа. Условием исторического исследования является временной интервал («диахрон») между исследователем и объектом. Документальные источники должны переместиться из оперативной информационной среды (т.е. управления) в ретроспективные информационные системы (центры хранения, архивы и т.д.). Механизмы номенклатурной системы относились к внутренней, не публичной стороне деятельности партийного аппарата; являлись одним из видов «аппаратных тайн». Глубокий анализ партийно-номенклатурных институтов привлекал внимание к таким свойствам партийной власти, как декоративный (имитационный) характер предста-

вительных органов, преобладание неформальных правил, отношений и связей над официальными (уставными, правовыми) нормами. Поэтому исследователи «с пониманием» обходили эту тематику или рассматривали ее сжато, в числе второстепенных, периферийных проблем. В отдельных – практически единичных – публикациях приводились данные о численности и должностном составе номенклатуры местных парткомов, ее характеристики по внешним (формальным) критериям: стаж, образование, возраст, профессия³. Термин «элита» в советской историографии считался своего рода бранным словом из понятийного аппарата третируемой западной социологии и советологии. Согласно «марксистско-ленинской» точке зрения, теория стратификации общества на элиту и массу является искажением, идеологическим «камуфляжем» классовой природы западного общества и его политических институтов, характеризующейся антагонизмом труда и капитала. В 1960-1980-е гг. регулярно появлялись работы, посвященные «критике буржуазных фальсификаций истории КПСС». Они содержали контраргументы на работы западных авторов, в которых теория элит проецировалась на советскую социально-политическую систему.

Идеологический (канонизированный) марксизм-ленинизм целью общественного развития (уже достигнутой в советском «социализме») полагал снятие социальных антагонизмов, ликвидацию классовой субординации. Соответственно, тенденцией развития советского общества считалось «сглаживание» социального рельефа, повышение межгрупповой мобильности, замещение иерархии другими типами связей (кооперация, координация). Однако реальность позднесоветского («застойного») общества противоречила этой идеологизированной картине. В социалистическом обществе, достигшем своего системного апогея (в официальной терминологии – «развитого социализма»), усиливалось неравенство, социальная фрагментация, проявлялись системные, классовые противоречия и коллизии. Многочисленные явления – стабилизация состава партийной элиты, прекращение ее ротации и переход к самовоспроизводству (рекрутированию из внутренних источников), увеличение материально-бытовых привилегий, укрепление коллективной идентичности (и социального эгоизма) партноменклатуры, ее социальное отчуждение – свидетельствовали о приближающемся структурном кризисе советского социализма. В массовом сознании вызревающий кризис проявлялся в виде общественно-политической апатии, потребительства, критических умонастроений. Таким образом, система управления в условиях разворачивающегося кризиса нуждалась в анализе социальных процессов в советском обществе, особенно в верхних, связанных с властью, слоях. Однако догматизм социальной теории и цензура практически исключали научное (т.е. критическое) исследование управленческой элиты. Монополизация партийной властью социально-философских истин, её роль «эксперта» в социальном познании способствовала деградации партийно-государственного управления, особенно в позднесоветский период.

Детерминация историографии «надсистемными» факторами (политическими установками, идеологией и т.д.) проявлялась в том, что этапы ее

развития были проекциями общественно-политических изменений. В 1990-е гг. кардинально изменилась проблематика, теоретический и понятийный аппарат, спектр выводов, суждений и оценок в историографии элит; более дискуссионным и критичным стал характер исследований. Критическое отношение большинства авторов к историко-партийной литературе, стремление преодолеть ее отрицательные черты стало фактором развития постсоветских работ по истории власти. Показательны изменения в тезаурусе исследований; в 1990-е гг. стали активно использоваться понятия «политический класс», «элита», «номенклатура», «политический актер», «субъект власти» и т.д. Для современных исследований характерен интерес к «конфиденциальным» аспектам, «кухне» власти как метод объяснения её сущности и способа функционирования. Одним из основных направлений изучения новейшей истории власти становится исследование партноменклатурной системы. Стал почти общим местом взгляд на номенклатуру как важнейший политический институт, дающий ключ к пониманию «устройства» власти в Советском Союзе, природы социального неравенства и эксплуатации при «социализме». В этом проявляется инерция методологии марксизма, который ориентирует научный поиск на выявление господствующих и угнетенных общностей (классов, страт), социальных механизмов принуждения, общественно-политической жизни как «холодной войны» социальных групп (идентичностей).

В региональных исследованиях – в основном на материалах Урала и Сибири – с достаточной полнотой изучен должностной состав номенклатуры партийных комитетов в 1945-1991 гг., её численность, социoproфессиональная динамика⁴. Партийная номенклатура изучается не только в политико-административном, но и в социальном ракурсе. Исследователи, привлекая теории и методы социологии, исследуют политико-административную элиту как социальную общность. При этом рассматривается состав номенклатуры, социальная мобильность ее представителей, их карьерные «пути», неформальные практики, субкультура правящего класса, его коллективная идентичность⁵ и т.д. Важным, недостаточно изученным сюжетом, на наш взгляд, является сращивание региональной партноменклатуры с «теневиками», криминалом и «хозяйственниками», объясняющее активное участие «номенклатурщиков» в демонтаже советской системы на рубеже 1980-х-90-х гг. Значительные результаты достигнуты в изучении механизма согласования и принятия решений местной партэлитой. Региональные исследования показывают, что командно-административный механизм управления экономикой в 1960-1980-е гг. эволюционировал в направлении системы «административного торга» (или «бюрократического рынка»), когда хозяйственные (социальные, организационные и т.д.) решения были результатом неформализованного договорного процесса в управленческой среде.

Характеризуя состояние изучения региональной власти и ее кадров, заметим, что особенность исторических явлений состоит в их «эксклюзивности», единичности. Историческое познание – в этом его уникальность –

ориентировано на выявление и анализ, главным образом, индивидуально-го, а не общего («регулярного», типового). Поэтому изучение партийной номенклатуры как социальной группы целесообразно дополнять индивидуализированными характеристиками (биографическими, психологическими) ее, по крайней мере, наиболее видных представителей. Наиболее удачным примером сочетания этих двух подходов (социологического и индивидуально-биографического) является, по нашему мнению, диссертация и монографии А.Б. Коновалова⁶.

Значительные перспективы имеет изучение партийно-номенклатурных кадров в формате истории повседневности. Единственной работой, в которой рассматривается – на материалах более раннего периода – рутинная деятельность партийных руководителей, ее содержание и «каждодневный» распорядок, является диссертация А.Н. Федорова⁷. Анализ «управленческой повседневности» позволит воссоздать служебный регламент партийного аппарата; выявить многочисленные «мелочи», которые в совокупности составляли суть деятельности партийных функционеров.

Предметом, «сырьем» и результатом деятельности управленческих кадров являлась административно-хозяйственная и социальная информация, которая приобретала юридическую силу (нормативность, официальность) путем документирования, т.е. составления служебных документов. Поэтому анализ порядка функционирования номенклатурной элиты будет неполным без изучения его информационно-документационного аспекта (документооборота, делопроизводства). Документационное обеспечение партийного управления до сих пор рассматривалось только в контексте источниковедческой проблематики. Общее и специальное делопроизводство составляло рутинный аспект, т.е. технологию деятельности партийных комитетов. Анализ делопроизводственного процесса позволяет определить роль его участников – составителя проекта, партийного аппарата, коллегиального органа – в разработке и принятии управленческого решения. Он показывает, что главная роль в аккумуляции и обработке информации принадлежала партийному аппарату, готовившему проекты резолюций, постановлений и другие материалы, а коллегиальные структуры (бюро, пленумы, президиумы) были в значительной мере «машинами для штамповки» решений. Рассмотрение документопотоков, их содержания, интенсивности, информационной емкости позволяет изучить информационные взаимосвязи (внешние и внутренние) партийного аппарата, оперативность и качество его «обратной связи» с объектом управления.

В большинстве исследований партийной и административно-хозяйственной элиты затрагивается (как правило, в выводной части) проблема качества элиты, эффективности ее деятельности. Анализ этого вопроса требует выверенной методологии, корректной методики оценки, позволяющей определить соотношение затрат (организационных, временных, материально-финансовых и др.) и результатов деятельности номенклатурных кадров; степень адекватности управленческих решений, их средне- и долгосрочные последствия, эвентуальность (т.е. объективную возможность) дру-

гих вариантов решений. Заметим, что проблема эффективности деятельности региональной совпартэлиты, обычно рассматривается «попутно», в дополнение к другим вопросам; она поставлена (эксплицирована) и рассмотрена в качестве главной, «сквозной» проблемы в только диссертации Миронова⁸.

Комплексное исследование партэлиты включает анализ не только «человеческого материала», но и структур, в которых он функционировал. С достаточной полнотой изучено организационное развитие партаппарата в 1920-1930-е гг.⁹ Исследования структуры региональных и местных органов КПСС в 1960-1991 гг. весьма фрагментарны, содержат большое количество «лакун». Дальнейшее изучение структур региональной власти предполагает не только реконструкцию штатного состава и численности, наименований должностей и структурных подразделений парткомов (секторов, отделов, комиссий и т.д.), но и их статусных, функциональных характеристик. Это необходимо для понимания причин (целей, мотивов) кадровых решений (назначений, переводов и т.д.), организационных условий деятельности партийно-номенклатурных кадров.

К началу 1960-х гг. партийно-номенклатурная власть решила – затратными, мобилизационными мерами – задачу, для которой она создавалась – построение индустриального общества. Рывок из аграрного общества в «индустриализм» был в основном завершен; городское население превзошло по численности сельское. Возник сложный многоотраслевой социально-хозяйственный комплекс, управление которым требовало перехода от мобилизационных, чрезвычайных методов к более рутинным, скоординированным формам работы. Эта закономерная «демобилизация» системы власти, начавшаяся в некоторых отношениях еще в конце 1940-х гг., приняла идеологическую форму борьбы с «культом личности», а по социальной сути стала «номенклатурной революцией». В ходе демонтажа сталинских социальных и управленческих практик изменилось положение партийного аппарата и его номенклатуры в системе власти. Партаппарат, ранее являвшийся одним из инструментов (наряду со спецслужбами, карательно-правоохранительными, ведомственными и др. органами) режима личной власти, стал центральным, «самовластным» элементом политической системы, не подвергающимся прессингу и «надзору» со стороны других структур.

Переход индустриальной формации в фазу зрелости, состоявшийся в 1960-е гг., сопровождался скачкообразным усложнением объектов управления и, соответственно, потоков информации в структурах власти. Это было важным фактором децентрализации и демократизации номенклатурной системы, в том числе по техническим причинам, поскольку учетно-кадровый аппарат ЦК КПСС не успевал «освоить», обработать информацию о движении кадров. Уже в 1950-е гг. номенклатура областных парткомов была значительно увеличена, главным образом, за счет сокращения номенклатуры ЦК. В начале 1960-х гг. вновь происходит расширение списков основной и учетно-контрольной номенклатуры обкомов; региональные партийно-хо-

зайственные кадры переходят в ведение областного партаппарата. Отделы организационно-партийной работы обкомов становятся информационно-делопроизводственным средоточием кадровой деятельности местной власти. Участие ЦК в организационно-кадровых процессах практически сводилось к формальным процедурам согласования и утверждения кадровых изменений. Другим проявлением этой тенденции (регионализации, дебюрократизации) было сокращение на рубеже 1960-х гг. видового состава учетных и отчетно-статистических документов по персоналу, представляемых в ЦК, упрощение (унификация) их текстовой части.

Значительное, в основном дезорганизующее, влияние на механизм управления оказала управленческая реформа 1962 г., разделившая партийные органы на промышленные и сельскохозяйственные. В кадровом аспекте наиболее очевидным ее результатом стало увеличение числа руководящих партработников, расширение номенклатурных списков. Целью этой реорганизации была специализация управления, приближение партийной власти к объектам управления. В действительности произошёл, скорее, «сдвиг» власти с местного на региональный (областной) уровень, поскольку в результате реформы наиболее ослабленным оказалось городское звено партийно-хозяйственного управления. «Расчленение» партийных комитетов по функциональному признаку крайне затруднило движение кадров, создав отраслевые барьеры для кадровых «маневров».

Недовольство региональной номенклатуры регулярными организационно-кадровыми «перетрясками», которыми было отмечено правление Н.С. Хрущева, стало одной из причин его отставки в октябре 1964 г. Парадокс его правления заключался в том, что по форме (и лозунгам) будучи отрицанием «культы личности», по сути хрущевский «волюнтаризм» был «вторым изданием» сталинского типа власти; он позиционировал себя «над аппаратом», стремясь контролировать его, манипулировать кадрами. В этом отношении смещение Н.С. Хрущева стало поворотным пунктом в эволюции партийной власти, поскольку новый – брежневский – режим, напротив, соблюдал аппаратные нормы и процедуры, обеспечив номенклатурным кадрам желаемую стабильность («застой»). Брежневское правление стало настоящим «золотым веком» партийной номенклатуры. Его продолжительность объясняется своеобразным социальным контрактом правящей верхушки с высшим и средним звеном партийно-хозяйственных руководителей, заключавшимся в отсутствии «навязчивого» контроля за партноменклатурой в обмен на её лояльность. Идеологически эта кадровая политика была оформлена в виде лозунга «заботы партии о кадрах».

В этот период кадровые вопросы по-прежнему занимали одно из главных мест в организационно-распорядительной деятельности парткомов. По нашим подсчетам, в период с 1965 по 1975 год на заседаниях бюро Куйбышевского обкома проблемы управления персоналом, образования и воспитания кадров рассматривались 46 раз¹⁰. Методика подбора и утверждения номенклатурных работников в «застойные» годы существенных изменений не претерпела, за исключением несколько большей формализации

и регламентированности. В июне 1977 г. в Куйбышевском обкоме был составлен проект инструкции, фиксирующий порядок подготовки кадровых решений по должностям номенклатуры обкома. Он представлял собой последовательность составления и рассмотрения значительного количества документов, в основном информационно-справочных: представление горкома или райкома, биографическая справка, справка-предложение и др. Недостатком этого регламента была формальность, бюрократичность, поэтому она дополнялась такой процедурой, как собеседование с кандидатом, широко практиковавшимся областными и городскими парткомами.

Характеристика брежневского периода как «застоя» является верной по крайней мере в одном аспекте – движение партийно-номенклатурных кадров. Проблема соотношения стабильности и обновления кадрового состава является диалектической, требующей тонкого баланса, учета многих факторов. Брежневской властью она была радикально решена в пользу стабильности, т.е. сохранения кадрового статус-кво. Отказавшись от brutальных сталинских методов контроля и обновления номенклатуры, власть отказалась от кадровой ротации как таковой. В результате кадровая стабильность, превысив известную меру, превратилась в стагнацию. В Куйбышевской области в период с 1975 по 1980 г. сменилось не более 5% представителей номенклатуры обкома. В 1981 г. сменилось 10,2% ее представителей, из которых 44,6% получили должностное повышение; смещения «на понижение», по причине должностного несоответствия, были единичными¹¹. Номенклатурно-кадровый «застой» имел, по крайней мере, одну положительную сторону: повышение опыта руководящих работников. Однако функции номенклатурных работников были достаточно простыми, типовыми, не требующими чрезмерно длительной практики. Поэтому возобладали негативные последствия стабильности; это, прежде всего, демотивация управленческих кадров, вызванная, с одной стороны, отсутствием возможностей карьерного взлета, «склерозом» каналов мобильности, с другой – исчезновением фактора страха, низкой вероятностью исключения из номенклатурной «обоймы». Брежневский «застой» оказался благоприятной социальной средой для формирования мафиозных групп, кланов в составе номенклатуры. Наконец, ограничение мобильности «по вертикали» вызвало напряжение, своего рода фрустрацию части активного населения, создавая социальный материал для появления контрэлиты, совершившей «рывок к власти» на рубеже 1980-х – 90-х гг.

Одна из целевых установок номенклатурно-кадровой политики состояла в профессионализации партийных кадров, подборе на должности специалистов со специальным (высшим) образованием, производственным опытом – хозяйственников, технократов. К началу 1980-х гг. это привело практически к нивелированию партийных и хозяйственных органов в отношении кадрового состава, его производственно-хозяйственной компетенции. С точки зрения качества хозяйственного управления это был негативный процесс, поскольку его результатом было усиление опеки парторганов над производственниками, излишняя детализация, «мелочность»

партийного управления. Партийные комитеты безусловно рассматривались как органы хозяйственной власти. Немало примеров тому, что номенклатурным работникам даже на словах («в теории») было сложно демаркировать область деятельности советских, хозяйственных и партийных органов. Происходило смешение программно-целевого, долгосрочного и тактического уровней управления. Введение хозяйственников в партийные структуры вело к снижению кадрового потенциала советских и ведомственных органов; вместе с тем именно они «держали ответ» за результаты хозяйственной деятельности. Высокие полномочия партийных руководителей при пониженной ответственности, возможность «прикрыться» хозяйственными, ведомственными и др. структурами была, вероятно, наиболее слабым местом позднесоветской системы регионального управления.

В системе власти партийные органы выполняли интегративную, «соборную» функцию, осуществляя межведомственное согласование, обеспечивая приоритет общегосударственных и/или региональных интересов перед отраслевыми, узковедомственными. Административно-хозяйственные структуры рассматривались в качестве носителей «ведомственности», которая преодолевалась (или подавлялась) партийными органами. В результате сращивания партийной и хозяйственной элиты партийные работники все чаще представляли специализированные, ведомственные интересы. Тенденция ведомственности, разрушительная для «монолита» власти, проникла в партийный аппарат. Происходила «лоскутизация», дезинтеграция властной системы, которая вызывала (по цепочке) такие явления, как потеря управляемости, неэффективное расходование ресурсов, невыполнение заданий и планов. Состояние партийно-советской власти требовало структурных и кадровых изменений, восстанавливающих ее единство; альтернативой (реализованной на практике) был ее распад.

В середине 1980-х гг. с избранием генсеком М.С. Горбачева, считавшегося (в условиях геронтократии) в свои 54 года «молодым» и «перспективным», в Советском Союзе были начаты реформы, направленные на обновление политической системы, ее «модернизацию». Необходимость реформирования системы власти была обусловлена, как отмечено выше, увеличением количества объектов управления, их усложнением и, с другой стороны, организационно-штатным развитием властных структур. Эти процессы были причиной снижения управляемости, разбалансировки (частичной дезорганизации) партийно-государственной власти. Реформы требовали длительной, рутинной «негласной» работы. В действительности они, как известно, сопровождались сильнейшим общественным ажиотажем и спровоцировали системный кризис, развивавшийся по худшему – катастрофическому – сценарию.

В первые «перестроечные» годы значительных изменений в работе партийных комитетов не произошло. Принимались меры по совершенствованию учетно-кадровой работы, ограничению структурного роста (дробления на секторы, отделы), увеличению штатов отраслевых отделов парткомов. Новый вектор организационного развития партийных органов был

определен на пленуме январском пленуме ЦК КПСС в 1987 г., где было признано целесообразным передать управленческие функции КПСС советским, хозяйственным и общественным организациям, оставив за партией руководство общественно-политическими процессами. «Конструкция» советской системы власти была такова, что партия являлась ее «стержнем» и координатором. Вмешательство КПСС в социально-хозяйственные, организационно-производственные аспекты управления было условием ее нормального функционирования. Поэтому курс, сформулированный в январе 1987 г., свидетельствовал о непонимании руководством механизма управления в стране или (более вероятно) о его деструктивных намерениях. Его реализация представляла собой, как в анекдоте времен перестройки, «разгром КПСС под руководством КПСС». Рубежом в «нисходящем» политическом развитии стала XIX партийная конференция в июне-июле 1988 г., утвердившая механизм альтернативных выборов как способ формирования состава партийно-советской власти. Это решение, при формальном демократизме, не учитывало возможностей партийно-политической системы. Представительные структуры и «всеобщие, тайные» выборы в ней были предназначены не для подбора кадров, а легитимации институтов власти, формального (ритуального) выражения лояльности (неучастие в них расценивалось как «фига в кармане»). Партийный аппарат и его номенклатура были системой закрыто-иерархического, «орденского» типа, поэтому публичная состязательность была неприемлемым методом её комплектования. Конкурентные выборы являлись элементом другой – парламентской, либеральной – политической системы; включение их в советскую систему было шагом к эклектичности, т.е. недееспособности политической «надстройки».

К рубежу 1988/89 г. в стране накопилась «критическая масса» общественно-политических изменений. Возвращение общества в прежнее состояние, даже при проведении «контрперестройки», было уже невозможным. Кардинально изменились политико-правовые условия партийного управления. С введением альтернативных выборов стали неэффективными номенклатурные механизмы контроля государственных и общественных организаций. Центральная власть разъясняла, что теперь парткомы должны использовать другие формы влияния – фракции, партийную дисциплину и т.д. Подъем общественной активности, в основном протестной, митинговой, появление политических (формальных и неформальных) партий, движений, объединений показало неспособность региональной партноменклатуры к руководящей деятельности при наличии общественно-политических «конкурентов».

Организационно-штатные изменения в партийных органах на рубеже 1980-х – 90-х гг. состояли в упрощении структуры, кадровых сокращениях. В конце 1988 г. был реорганизован местный партаппарат; в Куйбышевском обкоме из 16 отделов было оставлено 7. Во второй половине 1990 г. штат обкома был сокращен почти в три раза – до 58 работников (заместители секретаря, руководители отделов, инструкторы и т.д.)¹². Ввиду снижения

влияния и статуса КПСС они не имели прежней атрибутики партноменклатуры – власти над советскими, правоохранными, ведомственными и т.д. кадрами, силового и пропагандистского монополизма, социально-бытового «вип-обслуживания» (спецполиклиники, спецдачи и т.д.). В 1991 г. вертикаль партийной власти и управления перестала существовать. В условиях бюджетного и кадрового «голода», организационного распада комитеты пытались, используя связи, пропагандистские и дисциплинарные меры, сохранять влияние в органах власти, общественных организациях. Внутрипартийное управление осуществлялось в режиме кризисного менеджмента; например, в начале августа 1991 г. было принято решение о введении контрактной (договорной) системы подбора руководящих партийных кадров. Тем не менее, исторический путь КПСС и ее номенклатуры приближался к финалу. Завершилась эпоха, в которой РКП(б)-ВКП(б)-КПСС была одним из основных «актеров» русской и мировой истории. Приостановкой деятельности КПСС Указом Президента РФ от 23 августа 1991 г. и – вскоре – ее запрещением было прекращено функционирование и партноменклатуры.

В целом, в истории региональной партийной власти период 1960-конца 1980-х гг. отличается институциональной стабильностью. Система управления номенклатурными кадрами, сложившаяся в предыдущие годы, оставалась неизменной до рубежа 1990-х гг. Возможности ее реформирования были ограниченными (это показала «перестройка»), а политические и организационные риски, связанные с реформаторством, – весьма высокими. Это обусловило политический консерватизм позднесоветского руководства. В последние «советские» десятилетия региональная партэлита укрепила свои позиции в социальной иерархии. Этому способствовал – в том числе – её количественный рост; уже в первой половине 1960-х гг., как было отмечено, состав номенклатуры местных парткомов был значительно расширен. Большая часть кадровых ресурсов находилась в распоряжении партаппаратчиков среднего звена. Важным фактором консолидации партийно-советской элиты стало ее рекрутирование из числа местных управленцев и организаторов производства; другими словами, переход в режим самовоспроизводства. В этом отношении если не поворотным, то «знаковым» стало назначение первым секретарем Куйбышевского обкома А.С. Мурысева (в г. Куйбышеве с 1934 г.; трудовую деятельность начал на заводе им. Масленникова в 1941 г.).

В годы «оттепели» и «застоя» региональная партэлита в полной мере воспользовалась результатами «номенклатурной революции» 1953-1956 гг., установившей (на смену диктатуре вождя и его клики) «самодержавие» партийного аппарата. Дисбаланс полномочий и ответственности партэлиты, отсутствие внешнего контроля над ней вызвали падение темпов социально-экономического развития; оно было инерционным, «затухающим». В социально-кадровом аспекте «суверенитет» партийного аппарата привел к «застою» в движении номенклатурных кадров. Режим внутрипартийного управления становился все более либеральным, «комфортным» для

партийных функционеров. Механизмы обновления партийно-административной элиты не были институционализированы. Они были персонифицированы; новый руководитель государства (области, региона) производил – в том или ином масштабе – кадровую ротацию, расставляя на руководящие должности свои креатуры. Вертикальная мобильность в системе государственной власти и управления является обобщенным показателем способности к изменениям, «инновационности» общества. В номенклатурно-кадровой политике брежневского периода, особенно во второй его половине, соотношение между кадровой стабильностью, преемственностью и обновлением кардинально изменилось в пользу первого. Эта тенденция, проявившись в высшем партийном руководстве, затем распространилась на другие уровни власти. В среднем и нижнем звене управления она не приобрела крайних форм, как на вершине партийной власти («геронтократия»). Тем не менее, можно отметить высокую представленность старших возрастных групп в региональных парткомах в 1980-е гг. Например, по состоянию на 1 февраля 1988 г. 54 из 96 ответственных работников Куйбышевского обкома (58,3%) были старше 45 лет; в городских и районных комитетах удельный вес сотрудников этой возрастной категории составлял 36,4%¹³.

Можно заключить, что в последние три десятилетия советской истории региональная политико-административная элита интенсивно формировалась; однако происходившие изменения носили неявный (внеинституциональный) характер. Изменялись психологические установки, социально-политическая мотивация, субкультура партноменклатуры. Получила значительное развитие «теневая сторона» номенклатурной власти – протекционизм, коррупция и другие нелегальные практики, связи номенклатуры с хозяйственниками, теневым бизнесом, криминалитетом. Произошло перерождение партийно-советской верхушки, ставшее главной причиной крушения «социализма».

Примечания

1. Фурсов А.И. Что такое советский проект? URL.: <http://imhotype.livejournal.com/235898.html/>
2. Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия. М., 1996. С.118.
3. Партийный комитет и кадры. Куйбышев, 1972; Партийная работа: стиль, формы и методы: сб. ст./сост. Сарматов Г.А. Куйбышев, 1982.
4. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991 гг.). Пермь, 2003.
5. Айрапетов В.А. Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б)/КПСС (Тамбовская область, 1945-1982 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009; Портнягин А.И. Сельская партийно-советская и хозяйственная номенклатура в 1965-1970 гг. (на материалах Западной Сибири): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.
6. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура в системе региональной власти (1945-1991 гг.). Кемерово, 2006; Он же. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири в 1945-1991 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук Кемерово, 2006.; Он же. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943-1964 гг.): Дис. ... канд. ист. наук Кемерово, 1999.

-
7. Федоров А.Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы: Дис. . . . канд. ист. наук. Челябинск, 2006.
 8. Миронов Е.В. Региональные партийные элиты: исторический опыт и эффективность управления в 1956-1991 гг.: на примере Иркутской области: Дис. . . . канд. ист. наук. Иркутск, 2007.
 9. Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917-1941 гг.). - Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1981.
 10. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.65. Д.65. Л.21-23.
 11. Партийная работа: стиль, формы и методы: сб. ст./сост. Сарматов Г.А. Куйбышев, 1982. С.69.
 12. Крючков В.В. Социально-экономическое и политическое развитие Куйбышевской области в 1985 – 1991 гг. Самара, 2002. С.59.
 13. СОГАСПИ. Ф.656. Оп.197. Д.158. Л.117, 123.